

Цена № въ 5 коп.

ПОДПИСКА и ОБЪЯВЛЕНИЯ ПРИНИМАЮТСЯ: в Томске: в конторѣ редакціи (ул. Деорлянской и Ямской пер., д. «Сибирская Т-ва Печатаемаго Дѣла») и въ книжномъ магазинѣ П. И. Макушина; в Петербургѣ: въ конторѣ объявленій Торговаго Дома Л. и Э. Метцль и К^о, Большая Морская ул., д. № 11, Торговаго Дома Вруно Валентина, Екатерининскій каналъ, № 18—27; в Москвѣ: въ центральной конторѣ объявленій Торговаго Дома Л. и Э. Метцль и К^о, Мясницкая улица, домъ Сытова; в Варшавѣ: въ конторѣ объявленій Торговаго Дома Л. и Э. Метцль и К^о, Маршалковская, 180; в Барнауль: въ книжномъ магазинѣ В. К. Сохарова.

са. Но все лучшее, что имбеть теперь драматическій театр, тѣломъ и мыслью своею тянется къ миниатюрѣ, какъ произведенію, фиксирующему только мысль и только чувство писателя. Точно въ большое полотно вкраплены маленькія картины, маленькія изъ своихъ деталей, большія—по красотѣ идеи и замысла. Вотъ Чеховъ—миниатюристъ, пришедшій и безспорный. Что такое его «Три сестры», «Ивановъ», «Вишневый садъ», — какъ не клубокъ миниатюрныхъ сцѣнкетовъ, выходящихъ образами выдѣланныхъ въ одну сценическую раму и окутанныхъ въ жемчужной дымкой грустнаго pessimизма? Кто всѣ эти Гагвы, Вершинины, Чебутынкины, Маша, Раневскія и Лопухины, какъ не отдельные типы одной галлерей?

Одну изъ чеховскихъ персонажей говорять: «не все-ли равно, есть-ли онъ или его нѣтъ». И это глубоко вѣрно. Отнимите у Чехова ту или иную деталь—художественной цѣльности вы не нарушите. Въ «Вишневомъ саду» миниатюрныхъ сошелся болѣе, чѣмъ гдѣ бы то ни было. Здѣсь, что ни шагъ, то отдельная миниатюра. Вотъ сказаніе маленькой Ани и Трофимова — чистое и ясное въ своемъ мысли, какъ утро майскаго дня. Вотъ безрадостная повѣсть Любы Раневской и Гасва, монологомъ Лопухина и Фирса, маленькая драма Вани и Дуниши—все это брошено небрежно, безъ претензіи, съ поразительной яркостью неподдѣльнаго драматизма.

Въ плоскости такого содержания, я ожидалъ увидѣть «Вишневый садъ» въ постановкѣ передвижниковъ. Но странная игра обстоятельствъ. Отмѣчавшій къ стремленію къ художественности, передвижниковъ театръ какъ бы нарочно сорвалъ яркія краски «Вишневого сада», какъ бы нарочно признавалъ это рѣдкое произведеніе нашего драматическаго репертуара.

Я помню «Иванова», поставленнаго передвижниками нѣмѣнней весной. Нѣжного блѣднѣе исполненіе исполвалось такъ необычайной выразительностью общаго тона постановки. Тамъ каждая маленькая деталь смотрѣла на насъ большими глазами «нѣжныхъ хмурыхъ людей», красота сочеталась со скромностью, театральность съ исполняющей художественностью, наритель видѣла передъ собой только одну стройную развертывающуюся картину чеховской комедіи.

Тамъ сотрудники отказались отъ поглощающаго абсолютнаго культа—дирекціи слова, здѣсь они нарочно выдвинули его на первый планъ и успокоились на хорошей поэтической читкѣ, а не на изображеніи постиженія жизни—живой игрой глазъ, тѣла, ритма и движеній, красками цѣлостъ, дрожжаніями и переживаніями всего существа.

У меня, напримѣръ, совершенно пропали такіе яркіе мѣста, какъ сцена Любы съ Трофимовымъ, или заключительный аккордъ умирающаго «Вишневого сада»—сцена отъѣзда—последнее появленіе Фирса.

Въ отношеніи исполненія выдѣлялись: Скарская въ роли Любы Андреевны, Гайдубуровъ—Гасва, между прочимъ, повторившій до мельчайшихъ деталей Шабельскаго изъ «Иванова», Бринцевъ—Фирса и Аркадий—Семенова—Пущина. Немного странное толкованіе роли Лопухина далъ В. М. Галицкий: не то въ духѣ Островскаго, не то въ духѣ другихъ русскихъ бытописателей, — безъ чеховской товарищеской и подкупающей интимности. Грубый, пугающій, Лопухинъ вносить диссонансъ и смѣняетъ въ спокойную тѣтушечную обстановку комедіи

И. П.

Театръ и искусство.

Передвижной театр

(Изъ бесѣды съ П. П. Гайдубуровымъ).

(«Вишневый садъ» А. П. Чехова. 1-ая гастроль передвижниковъ).

«Къ религии человѣка ведутъ два пути, сказалъ кто-то,—непосредственное метафизическое созерцаніе и искусство». Если созерцаніе просто средство, а созерцаніе красоты—цѣль, то храмъ его будетъ театр. Могущество искусства въ переживаніи. И это переживаніе тѣмъ сильнѣе, чѣмъ сильнѣе проникаетъ въ наши сердца мистическое начало красоты.

На обветшаломъ каркасѣ современной драматической литературы искать равнаго дождя «последней моды». Здѣсь все для рынка; все живетъ и движется желѣзнымъ закономъ всепоглощающаго соро-